

лютым. Скопин чувствует недоброе, но, понадеявшись на свою силу могучую и удачу богатырскую, выпивает чару «за единой духъ», и тут же падает на пол; его поднимают богатыри Илья Муромец и Добрыня Никитич, выводят и сажают на коня. Мать, видя его издали, догадывается, что случилась беда. Скопин просит позвать попов, кается во грехах и умирает. Его хоронят. Но архангельский сказитель не примирился с таким окончанием песни и добавил укор матери Скопина, обращенный к князю Владимиру:

«Брала мати книжоцьку волховную,
Посмотрѣла она книгу волховную
Надѣвала на себя да шубу куньюю,
Отправлялась она солнышку Владимиру,
Даѣжжаетъ она до солнышка Владимира,
Говорить ёна солнышку Владимиру:
«Ужь ты ой еси солнышко Владимиръ князь!
Не на пиръ зовѣшь, да не столовать право,
Зовѣшь да ле ты коньце всё опаивать,
Опоилъ ты у миня да цядо милое,
Какъ того-ле Скопина сына Михайловича».¹

Новый конец песни еще более развит в другом Архангельском варианте (Н. Е. Ончуков, стр. 33—36, В. Ф. Миллер, № 194). Самое начало здесь не сохранилось. Рассказ вводится прямо похвальбой Скопина, что он «Малютина князя во служенье бралъ», «Малюту Скурлатьевну во служаноцьки, чашки-ложки, я, мыть, да повареноцьки». Эти слова вызывают досаду Малюты, дочери Скурлатьевны, которая подносит Скопину чару зелена вина с зельем лютым. Скопин, хотя и предчувствует гибель, но не может отказаться от чары. Выпив отраву и еле держась на ногах, он едет к матери, которая превратилась здесь в типичную былинную Омельфу Тимофеевну. Скопин просит мать позвать отца духовного и, покаявшись в грехах, умирает. Если предыдущий вариант оканчивался укором матери, обращенным к кн. Владимиру, то здесь сочувствие герою сказывается еще более и создает новый поворот в песенной фабуле.